ПАНОРАМА
РОМАНОВ О ЛЮБВИ
Эстер Модлинг
Дневник актрисы

Эстер Модлинг
Дневник актрисы

OCR Anita
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156508
Дневник актрисы: Панорама; Москва; 2003
ISBN 5-7024-1666-X

Аннотация

Известная кинозвезда приглашает Даниэлу Гарди, молодую писательницу, стать ее биографом. Девушка соглашается, но работе над книгой всячески препятствует незаконнорожденный сын актрисы, известный голливудский сценарист. Оливер не желает, чтобы была раскрыта тайна его рождения. Но, хочет он того или нет, тайны раскрываются одна за другой, изменяя реальность: стремительно тают иллюзии, рвутся ненужные связи, соединяются любящие сердца...

Содержание

Пролог 4
1 6
2 21
3 38
4 51
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Эстер Модлинг
Дневник актрисы

Пролог

Конни раздраженно отшвырнула книжку. Ну что за нелепые выдумки! Она успела прочесть лишь несколько страниц, а уже хочется бросить этот шедевр в камин! Ей много лет, но она еще в здравом уме. И хорошо помнит, что приехала в Голливуд вовсе не с десятью центами в кармане и не с одной парой штопаных чулок в чемоданчике! Бедный отец, наверное, в гробу переворачивается!

Преуспевающий адвокат не был, разумеется, в восторге от выбора дочери. Голливуд – придумать же такое! Но обеспечил любимую дочку всем необходимым. У Конни были и приличная квартира, и платья, и шляпки, и чулок сколько угодно. Она брала уроки пения и танцев и ходила в школу актерского мастерства. Все это обошлось папе не очень-то дешево. Зато Конни, в придачу к несомненному таланту и прелестному личику, получила настоящий профессионализм. Может быть, именно поэтому она до сих пор снимается в кино и играет в театре. Да еще получает самые лучшие роли.

Актриса покачала головой и потерла тонкими пальцами

виски. На нее нахлынули воспоминания. Страшно подумать, что этот бессовестный писака насочинял о ее давней любви. О том единственном мужчине, что оставил ей разбитое сердце и утешение – сына...

Она наклонилась и со вздохом подобрала книгу. Быстро пролистала. Вот оно. Броский заголовок: «Кто он, таинственный возлюбленный Конни Ковердейл?». Бегло просмотрев главу, Конни уронила голову на руки. Она подумала о сыне. Бедный мальчик! Столько грязи... Как он воспримет эту мерзкую ложь? И что ей делать? Вести себя, словно этой книжонки не существует? Подать на автора в суд? Или... или самой написать правду?

1

– Доктор Даниэла Гарди, если не ошибаюсь?

Две минуты назад приветливая горничная проводила Дани в гостиную. Та с любопытством оглядывалась по сторонам, пока не обнаружила, что ее пристально разглядывают прищуренные глаза высокого светловолосого мужчины. Красивого мужчины. Очень красивого. Только глаза эти были неприязненно холодны.

Она не заметила его сразу, так как он неподвижно стоял, полускрытый портьерой огромного французского окна. Высокий, светловолосый, стройный. Красивый. И на этом его достоинства заканчиваются, подумала Дани. Он высокомерен, судя по надменной складке губ. Он холоден – светло-серые глаза похожи на льдинки. И еще этот человек... напыщенный, вот самое подходящее слово. Самодовольный и надменный.

Кроме того, было еще кое-что, что покачалось Дани странным, помимо неожиданной враждебности этого совершенно незнакомого человека.

Во-первых, крестили ее, конечно, Даниэлой, но только никто ее так не зовет. Все знают ее как Дани.

Во-вторых, незнакомец совершенно ясно давал ей понять, что ей здесь не рады. Совсем наоборот!

Это явственно читалось и в надменной складке губ, и в

полупрезрительном прищуре глаз, которые он чуть скосил на свой длинный аристократический нос, не желая смотреть ей в глаза.

Дани терялась в догадках: что она могла сделать, чтобы вызвать такую неприязнь у совершенно чужого человека? Кажется, ей не в чем себя упрекнуть!

Она ответила на его взгляд твердым, немигающим взглядом.

– Мистер Оливер Ковердейл, если не ошибаюсь? – сказала она ему в тон.

Ироничные брови поползли кверху. Маленькая месть за холодный прием. Пусть не думает, что застал ее врасплох. Может, он и не собирался представиться по всей форме, зато она и сама догадалась, кто перед ней.

Ровные белые зубы сжались с такой силой, что ей показалось: она явственно слышит зубовный скрежет. Светлые глаза угрожающе сузились.

– Я вижу, вы находите ситуацию забавной, доктор Гарди...

– Прошу вас, называйте меня просто Дани, – перебила она. – Что касается этой так называемой ситуации... Вы ошибаетесь. Она нисколько не кажется мне забавной, скорее удивительной.

Он поджал губы.

– Насколько я могу судить, вы никак не ожидали меня здесь увидеть, не так ли? Вы рассчитывали встретиться с моей матерью? – И он решительно кивнул, не дожидаясь от нее

ответа: сам все для себя решил. – Не беспокойтесь, вы еще увидите мою мать, – желчно усмехнулся он. – Рано или поздно. Конни всегда опаздывает, – добавил он, по привычке раздражаясь из-за этого досадного свойства своей матери.

Он шагнул назад, чтобы прикрыть за собой дверь поплотнее.

– Я хотел воспользоваться этим ее милым недостатком, чтобы поговорить с вами до того, как она появится.

Дани стояла у открытого окна, и солнце припекало, лаская лучами ее спину. Но все равно, у нее было такое ощущение, что с балкона страшно сквозит, – такой холод исходил от ее собеседника.

Она слегка поежилась. Дело не только в этих холодных светлых глазах. Он нарочно подошел поближе и навис над ней, подавляя ее своим огромным ростом. В нем, наверное, без малого два метра! Волосы подстрижены коротко, плечи широченные, тонкая водолазка не скрывает рельефа мускулатуры. Морской пехотинец, да и только. Она рядом с ним просто ребенок.

Что за глупости, Дани, одернула она сама себя. Он, конечно, не слишком приветлив, но какое это может иметь к ней отношение! У него просто настроение плохое, вот и все! Может, подобная грубость – обычный для него стиль поведения, а она уж навоображала бог знает что!

Она взяла себя в руки и улыбнулась.

– Боюсь, произошла какая-то ошибка, мистер Ковердейл!

– вежливо начала Дани.

Не тут-то было!

– Если какая-то ошибка и произошла, то всецело по вашей вине, заверяю вас, доктор Гарди. Мне неизвестно, какими уловками пришлось вам воспользоваться, чтобы убедить мою мать принять вас, но уж будьте уверены...

– Мистер Ковердейл...

– ... вам ничего не удастся добиться...

– Мистер Ковердейл, послушайте...

– ... потому что моя мать никогда не дает интервью журналистам...

– Я не журналистка! – решительно прервала его Дани.

– ... и биографам тоже! – с триумфом завершил Оливер Ковердейл. – А причины вам, несомненно, хорошо известны.

Причины действительно были хорошо известны Дани. Когда два года назад вышла пиратская биография кинозвезды Конни Ковердейл, разразился колоссальный скандал. В книжке было столько грязных инсинуаций, столько цветистых подробностей грешной жизни актрисы, что Конни Ковердейл публично заявила, что больше никогда в жизни не скажет ни единого слова журналисту или биографу.

Но не это, мгновенно поняла Дани, было главной причиной. Главная причина стояла сейчас перед ней...

Тридцати семи лет от роду, красивый, преуспевающий, Оливер Ковердейл добился огромного успеха в Голливуде. На его счету несколько Оскаров за лучший сценарий. Иметь

такого сына просто счастье!

Но... пока что никто не заявлял прав на такое счастье.

Кинозвезда и королева театральных подмостков на протяжении почти пяти десятилетий, Конни Ковердейл никогда не была замужем. И никогда и словом не обмолвилась о том, кто был отцом ее сына, которого она родила тридцать семь лет назад.

Тогда, в пятидесятые годы, это было просто неслыханно – родить ребенка вне брака. Многие предрекали скорый конец карьеры Конни. Тогдашняя Америка требовала от своих кумиров уважения к морали и семейным ценностям.

Но Конни Ковердейл не опускала головы, хранила гордое молчание и не желала признавать себя опозоренной! Она открыто появлялась везде со своим незаконнорожденным сыном и неожиданно превратилась в глазах обывателей из блудницы в образец превосходной матери. И еще раз покорила весь мир, который словно принял в свои сердца слабую одинокую женщину, пострадавшую от несчастной любви, и ее чудесного сына.

Все эти годы разговоры о том, кто же был той печальной любовью Конни, то стихали, то разгорались с новой силой. Газетные писаки усердно подогревали интерес к этой неувядающей теме. Но, поскольку актриса так и не раскрыла тайны, разговоры остались разговорами.

Глядя на него сейчас, Дани размышляла о том, как же он все эти годы справлялся с мерзкими сплетнями, любопыт-

ством, попытками влезть ему в душу. И с этой тайной... Да полно, тайна ли это для него? Наверняка мать рассказала ему про отца! Но, даже если и рассказала, он оказался столь же скрытен.

Она решительно набрала в грудь побольше воздуха.

– Как бы то ни было, мистер Ковердейл, я должна сказать вам, что произошло недоразумение. Видите ли...

– Надеюсь, я выразился вполне ясно, доктор Гарди. Я не сомневаюсь, что вы талантливый историк. Точнее, я это знаю абсолютно твердо, поскольку прочел вашу книгу о Лео Гарди.

Дани вытаращила глаза. Он прочел ее книгу! Никогда бы не подумала, что ее книга заинтересует человека такого типа!

– Эту книгу написать не составило большого труда, – пролепетала она. – Лео Гарди – мой дед.

Оливер чуть наклонил голову.

– Для большинства людей он – великий разведчик, хранитель государственных тайн, человек, решивший итог второй мировой войны, а уж потом – ваш дед.

– Да, – согласилась Дани.

Он и вправду прочел книгу!

– Моя мать посоветовала мне прочитать книгу, – сообщил вдруг Оливер. – Она думала, что из нее можно будет сделать хороший сценарий для фильма.

Теперь понятен его интерес к работе Дани. Она чуть не

засмеялась. Рассказать бы деду, что по его биографии в Голливуде хотели снять боевик!

– Дедушка предпочитает заниматься историей. Он не любит афишировать свою прежнюю работу, – поспешно заверила она своего собеседника.

– Из этого могла бы получиться захватывающая история про шпионов, – протянул Оливер. – Но потом, по зрелом размышлении, я все же отказался от этой идеи. Слишком избито. В Голливуде такие истории десятками выпускают.

Если он намеренно старался оскорбить ее, ему это удалось. Но Дани не доставит ему еще большего удовольствия и не станет отвечать на выпад.

– По зрелом размышлении? – холодно переспросила она.

Однако он не обманул, когда упомянул о привычке своей матери всюду опаздывать. Она уже задерживается на пятнадцать минут!

Он решительно покачал головой.

– Не совсем так, признаю. Ваш дед убедил меня в том, что рассказывать все эти правительственные тайны с большого экрана – не совсем правильно. А главное...

Он помедлил, намеренно разжигая ее любопытство.

– Мы так и не смогли договориться, кто сыграет в фильме главную роль! Вашего деда не устраивала ни одна кандидатура. Голливудские звезды все как один были нехороши.

Дани нахмурилась. Вот какие новости она узнает! Она даже не слышала, что дед вел переговоры с голливудским сце-

наристом!

– Думаю, дед намеренно так себя вел, – предположила она. – Скорее, ему не нравилась сама мысль об участии в кино. Он капризничал из чистого упрямства.

– Семейная черта, насколько я могу судить, – процедил сквозь зубы Оливер.

Дани вздохнула. Пора это прекратить! Она понятия не имела, что она сделала, чтобы вызвать к себе такую враждебность. Скорее всего, ничего и делать было не нужно, просто перед ней такой тяжелый человек. Однако...

– Милая Дани! Мне так жаль! Я опять опоздала!

И в комнату, словно дуновение свежего ветерка, впорхнула Конни Ковердейл. И в буквальном смысле озарила все вокруг себя!

Дани с изумленной улыбкой смотрела на легенду кино. Конни, очевидно, и в мыслях не держала, что она уже немолода. Сколько ей? Семьдесят с хвостиком! Но фигура стройная и подтянутая, довольно короткое платье ладно облегает ее, кожа гладкая, в густых кудрях – ни единого седого волоска.

– И Оливер здесь! – Женщина подошла к сыну, и тот наклонился, чтобы поцеловать мать. – Как славно, что вы познакомились! Теперь Дани много времени будет у нас проводить, и вам нужно подружиться. Дани, какая же ты хорошенькая!

Она переводила сияющие глаза с лица Дани на лицо сына.

После холодного приема, который оказал ей Оливер, искрящееся дружелюбие матери показалось Дани чрезмерным. Но у нее не было никаких оснований сомневаться в искренности Конни. Глаза актрисы так и лучились от радости. Улыбка, от которой столько лет млели ее поклонники, вовсе не утратила своего очарования.

Впрочем, это ее замечание – какая Дани хорошенькая – совершенно неуместно. Преувеличение, точнее сказать. Даже в своих простых туфлях без каблуков она была чуть не на голову выше миниатюрной актрисы, ножки которой были обуты в кукольные туфельки на шпильках. В своем сером деловом костюме и белой блузке, с длинными прямыми волосами, забранными в пучок, она казалась невзрачным воробышком рядом с этой райской птицей. Да и лицо у нее... неброское. Вздернутый носик, решительный подбородок, высокие скулы, широко расставленные зеленые глаза. Ничего особенного.

А вообще-то она выглядит так, как и положено выглядеть научному работнику, автору исторической биографии.

– Благодарю вас.

Дани сдержанно приняла комплимент, краем глаза отметив, как презрительно искривились губы Оливера. Но в эту минуту она, пожалуй, предпочла бы холодную враждебность сына горячей симпатии матери. Она не готова была к столь горячему приему и не привыкла к настолько свободному изъявлению чувств.

– Пожалуй, лучше тебе отпустить руки доктора Гарди, Конни, – посоветовал Оливер. – Ты ее смущаешь своей горячностью.

И он с издевательской насмешкой взглянул на Дани.

Она вспыхнула. Как он догадался!

– Вовсе нет! – Она обратилась к Конни Ковердейл. – У мистера Ковердейла создалось впечатление, что я вторгаюсь...

– Это не впечатление! – отрезал он. – Так оно и есть.

Маленькая женщина решительно выпрямилась.

– Во-первых, что это за церемонии вы тут развели! – фыркнула она. – Доктор Гарди, мистер Ковердейл! Немедленно прекратите и называйте друг друга по имени! А во-вторых, Оливер, Дани пока не готова воспринимать твое чувство юмора. Дай ей привыкнуть.

Чувство юмора, безмолвно возмутилась Дани. Да разве есть у этого холодного истукана чувство юмора! Только любящая мать может увидеть в нем что-то человеческое!

– И все же я не сомневаюсь, что доктор Гарди поняла меня совершенно правильно, – упрямо возразил Оливер.

Прекрасно поняла, разумеется, поджала губы Дани. Он вбил себе в голову, что она приехала просить у Конни Ковердейл интервью!

– Прошу вас, мисс Ковердейл, объясните вашему сыну... – начала было Дани.

– Меня, пожалуйста, тоже называй по имени, – ослепительно улыбнулась Конни. – Оливер, милый, ты велел Джа-

нет подать нам чай?

И она вопросительно повернулась к сыну. Он покачал головой.

– Тогда распорядись, сделай одолжение. – И она вновь сверкнула улыбкой. – Дани, девочка моя, давай-ка прогуляемся по саду, пока Оливер позаботится о чае.

Она подхватила Дани под руку и повела ее в сад прямо через французское окно.

– Расскажи мне побольше о себе, – щебетала Конни. – Я раньше никогда не встречала женщин-историков. Расскажи, каково это – делать карьеру в, области, совершенно монополизированной мужчинами?

Дани рассеянно прислушивалась к болтовне Конни. Конни, казалось, и не нуждалась в ответах. По крайней мере, молчание Дани ничуть ее не удручало. А Дани все никак не могла забыть то гневное выражение, с каким Оливер проводил двух женщин. Почему он пришел в такую ярость? Будь его воля, он бы просто вытолкал Дани из своего дома! Почему такая неприязнь?

– Как же славно, что ты приехала! – щебетала Конни. – Мне ужасно понравилась твоя последняя книга!

– Она же и первая, – усмехнулась Дани. – Видите ли, мисс Ковердейл...

– Пожалуйста, называй меня Конни, – улыбнулась актриса. – Все зовут меня Конни, даже Оливер!

Странно. Оливер называет мать по имени. Но в этом се-

мействе все странно... Она сама привыкла к более сдержанному стилю общения. И потом, эта женщина – живая легенда, кумир миллионов. Называть ее просто Конни?

– Конни, – неуверенно начала она, – ваш сын почему-то считает...

– Да не обращай на него внимания, деточка моя, – отмахнулась Конни. – Оливер старается меня защищать. Он всегда был такой серьезный мальчик...

Дани недоверчиво улыбнулась. Мальчик! В тридцать семь лет едва ли можно назвать его мальчиком!

– Для меня он всегда ребенок, – словно прочла ее мысли Конни. – А тебе скажу вот что. Собака, которая лает, никогда не укусит, такова народная мудрость.

Ох, не верится, подумала Дани. Но, впрочем, враждебность Оливера ничуть не должна ее заботить! Она здесь по приглашению Конни Ковердейл, и общество ее сына совершенно не интересует ее! Здравствуйте, до свидания – этого ей вполне достаточно.

Она демонстративно взглянула на свои часики. Они даже не подошли к цели визита!

– Боюсь, уже поздно, Конни...

– А сколько ты потратила на дорогу, деточка? – с интересом осведомилась Конни.

– Чуть больше часа, – отозвалась Дани. – Но у меня сегодня еще одна встреча, поэтому...

– Как мило с твоей стороны, что ты отложила воскресные

дела, – кивнула Конни. – Я сама теперь редко в город выбираюсь.

– Я получила огромное удовольствие, – вежливо сказала Дани. – Но у меня не так уж много времени.

– Неужели ты не любишь весну! – воскликнула Конни. – Смотри – все возвращается к жизни.

Дани очень любила весну, но совсем не по той причине, что Конни. Просто она так уставала приезжать на работу в темноте и уезжать тоже в темноте!

– Конечно, – кивнула она. – Конни, вы позвонили мне на работу совершенно неожиданно и договорились о встрече. Не кажется ли вам, что пора объяснить мне, для чего я вам понадобилась?

Восемь дней назад, когда Дани подозвали к телефону на кафедре, она даже растерялась, когда узнала, что на проводе Конни Ковердейл. Ее настолько поразил сам факт, что живая легенда звонит по телефону, как все смертные, что она согласилась на встречу, даже не поинтересовавшись, зачем.

За восемь дней у Дани была возможность поразмыслить над тем, с какой целью Конни ее разыскала. Однако она ни на шаг не приблизилась к разгадке. Она и с Джонни это обсуждала, но тот лишь язвил по поводу того, что Дани вхожа в такие круги, что ему теперь и близко к ней не подойти! Никакой существенной версии он не выдвинул.

Джонни.

Дани невольно улыбнулась, вспомнив про своего колле-

гу. Он преподавал программирование, и свое фанатичное увлечение новейшими разработками ему удалось передать студентам. Они обожали Джонни. Чтобы попасть к нему на курс, среди старшекурсников был негласный конкурс.

Притяжение противоположностей, с нежной улыбкой подумала Дани. Для нее самым интересным всегда было прошлое. Джонни же был устремлен в будущее.

Из-за Джонни Дани и торопилась сегодня в город. У них было назначено традиционное субботнее свидание.

Конни взглянула ей прямо в глаза. Взглянула пристально, словно силясь что-то разглядеть в глубине ее зрачков. Теперь, без улыбки, Конни выглядела на свои семьдесят с лишком лет. Дани поразилась этой мгновенной перемене.

– Но, дорогая... – проговорила Конни. – Ты, несомненно, уже догадалась о причине, по которой я просила тебя навестить меня.

Дани озадаченно покачала головой.

– Не имею ни малейшего понятия, простите меня, Конни. Все, что вы мне сказали по телефону, – что нам нужно поговорить. Больше мне ничего не известно.

– Но... не хочешь же ты сказать, что приехала сюда, даже не зная, для чего я тебя зову?

На лице Конни было написано полнейшее недоумение. Дани начала забавлять эта почти театральная сцена.

– Именно так, – улыбаясь, подтвердила она. – Вы мне об этом не сообщили.

– Ох, как нехорошо получилось. – Конни сокрушенно прижала руки к груди. – Как неловко. Понимаешь, я прочитала твою книгу о Лео Гарди.

– Ваш сын успел мне это сказать.

Удивительно, но у Дани язык не повернулся Назвать Оливера по имени.

– Он тоже прочитал мою книгу, – продолжила Дани. – Мне это очень приятно, даже лестно...

– Девочка моя, – прервала ее Конни. – Естественно, я позвала тебя не для того, чтобы хвалить твою книгу. Хотя она заслуживает самых высоких отзывов. Но это я могла сказать и по телефону. Нет, дорогая моя. Я позвала тебя потому, что хочу поручить тебе написать мою биографию. Совершенно достоверную на этот раз, – добавила Конни со стальной ноткой в голосе.

Дани открыла рот.

Нет, это какая-то шутка.

2

– И что, она это всерьез? – Джонни открыл рот точно так же, как Дани несколько часов назад.

– Она утверждает, что всерьез, – вздохнула Дани. – Говорит, она много лет искала человека, который сумеет сделать это как следует. Донести до читателей правду.

– И она считает, что ты – то, что нужно! – взволнованно приподнялся на стуле Джонни. – Но это же... это просто лотерейный билет!

Дани совсем не разделяла его восторга.

– Я пыталась объяснить ей, что я вовсе не писатель-биограф.

Но Конни и слушать ничего не желала. Она взволнованно говорила о том, что ей много лет, что людей она чувствует по первому взгляду, а ее, Дани, по первым строкам книги. Что она, Дани, и есть тот автор, кто сможет передать на бумаге жизнь, мысли и чувства Конни. По книге про Лео Гарди она поняла, что именно так надо писать ее биографию – правдиво и тепло, не замалчивая факты, но и не выпячивая скабрезности.

– И правильно! Так оно и есть! Старуха разбирается в людях, это точно. Лучше тебя никто эту книжку не напишет.

Он вскочил и обежал столик. Наклонился к Дани и чмокнул ее в щеку. Худощавый, невысокий (без каблуков Дани

была одного с ним роста), с длинными светлыми волосами, которые в беспорядке спадают ему на лоб и рассыпаются по плечам... Дани тепло улыбнулась. Мальчишка, настоящий мальчишка. В толпе студентов его и не отличишь от шумных юнцов.

– Спасибо вам за комплимент, сэр, – засмеялась Дани.

– Да какой комплимент, – махнул рукой Джонни.

И движения у него порывистые, угловатые, как у подростка. Того и гляди, смахнет что-нибудь со стола. Дани отодвинула подальше от края бокал с минеральной водой.

– А мы с тобой не такие уж и умные, надо признать, – сообщил Джонни, возвращаясь на свое место за столиком. – Сколько говорили о том, для чего ты ей могла понадобиться, а про книжку-то и не подумали! Мне и сейчас не верится, честное слово!

Дани и сама не могла поверить. До сих пор. И, хотя ей, несомненно, приятно было такое признание своего труда, она вовсе не была уверена, что ей следует браться за работу. Совсем не была уверена.

Дело не в самой работе. Наоборот, она не сомневалась, что работа доставит ей профессиональное удовлетворение. История человека ничуть не менее занимательна, чем история цивилизации. Причину, по которой Дани боялась взяться за биографию Конни, можно было бы обозначить двумя словами – Оливер Ковердейл.

В этот вечер ей не удалось перемолвиться с ним ни сло-

вом. Он не почтил их своим присутствием, когда они пили чай, и не объявился, когда Конни провожала Дани до машины. И все же Дани не сомневалась, какова будет его реакция на известие о том, что она берется писать биографию Конни. Он будет убежден, что Дани хитростью выманила у Конни согласие на книгу! Поэтому Дани попросила неделю на раздумье.

– Я надеюсь, ты сразу же согласилась? – словно прочитав ее мысли, выпалил Джонни. – Ох, нет, Дани, только не вздумай сказать мне, что ты отказалась! Такой шанс! Сорок лет все писаки мира осаждали Конни Ковердейл, чтобы выманить у нее согласие на книгу! Наконец-то она раскроет секрет своей любви. Назовет отца ребенка! Это же настоящая бомба!

Вот и еще одна причина, по которой Дани колебалась. Оливер и так ее терпеть не может. А уж если она окажется виновницей семейных разоблачений... Да он ее из-под земли достанет!

– Мы с ней не обсуждали этот вопрос, – покачала головой Дани. – Она, наверное, к этому готова. Но не в этом дело, Джонни. Помнишь, мы с тобой смеялись: теперь я буду вращаться среди богатых и знаменитых? Так вот. Я – историк, научный работник.

– А кто тебе мешает быть богатым и знаменитым научным работником? – засмеялся Джонни.

Богатый и знаменитый историк. Что за чушь! Это и зву-

чит абсурдно. Нет уж, ее удел – библиотечная пыль. Жизнь ее вполне устраивает. Она читает лекции, ведет научную работу. В каникулы ездит то на раскопки, то по историческим местам. Иногда ее отправляют на конгрессы, и тогда она возвращается с новыми идеями. Заваливает свою квартирку рукописями и книгами, и в результате в научном сборнике появляется очередная статья, написанная ясным, лаконичным, но в то же время образным стилем. А еще по выходным она ездит к родителям или к деду в гости. Ну и Джонни, конечно.

Они встречаются только четыре месяца. Но ужин по субботам стал частью ее жизни, так же, как поход в театр или в кино в середине недели.

– У меня совсем не останется свободного времени, – с нажимом произнесла она. – У меня занятия каждый день, остаются только выходные. Конни предложила мне приезжать к ней на выходные и работать над книгой у нее. Если я, конечно, соглашусь.

– Конечно, согласишься, – убежденно кивнул Джонни. – Подумать только, ты ее называешь просто Конни!

Он готов был еще разок пройтись по «богатым и знаменитым», но вдруг выражение его липа изменилось.

– О, Дани, ты беспокоишься... из-за нас?

Дани с досадой почувствовала, как румянец заливает ее щеки. Он сказал – из-за нас! Конечно, они встречаются лишь несколько месяцев, и она понятия не имеет о том, как относится к ней Джонни. Но она точно знает, что ей он очень

нравится. Она ждет встречи с ним всю неделю! Не потеряет ли он к ней интерес, если они будут видеться лишь раз в неделю после работы? Он ободряюще улыбнулся.

– Слушай, но ведь это не навсегда. Пара месяцев, не больше. Я потерплю, обещаю тебе. Или тебя что-то другое беспокоит?

По непонятной причине Дани даже не упомянула сына Конни, отвратительного Оливера Ковердейла. Она испытывала к Оливеру такую же неприязнь, как и он к ней. Но если его отношение можно было как-то объяснить, то чем объяснить то, что Дани даже думать о нем спокойно не может?

Она не спросила у Конни, приехал ли Оливер на выходные или он постоянно живет вместе с ней. Но если он живет там постоянно, то им придется видеться очень, очень часто. Может быть, каждую неделю.

– Я просто еще не решила, Джонни, – вздохнула Дани. – Я не уверена, что хочу этим заниматься. У меня какие-то смутные опасения.

Совершенно смутные, и, тем не менее, она не может выбросить их из головы. Смутные, но настолько сильные, что несколько часов назад ей хотелось забыть о лестном предложении и бежать из дома Конни без оглядки.

– А Конни, она все такая же красивая? – с интересом спрашивал Джонни.

Дани улыбнулась. Ни одна фотография не передаст этой теплоты, доброты, живой силы, которая так и льется из глаз

Конни.

– Да, – подтвердила она. – Конни – истинная красавица. И знаешь, одиночество ей никак не повредило. На лице ни единой морщинки.

– Не думаю, что все эти годы она обходилась без мужского общества, – с недоверием покачал головой Джонни.

– Но ведь рядом всегда Оли... – Дани осеклась и поспешно поправилась: – Ее сын.

– Я имел в виду совсем другое мужское общество, – наклонил голову Джонни.

Дани покраснела, а Джонни засмеялся.

– Обещай мне, Дани, что ты хорошенько подумаешь над этим предложением. Оно того стоит, не спорь.

И спорить нечего, вздохнула Дани. Она подумает, разумеется. До следующей субботы она вряд ли сможет думать о чем-то другом.

– Ты, кажется, очень удивлена!

Оливер Ковердейл собственной персоной стоял на ее пороге. Стоял и холодно смотрел на нее сверху вниз.

Удивлена! Сказать удивлена – значит, не сказать ничего! Она стояла, словно громом пораженная! Прежде всего, откуда он взял ее домашний адрес? У Конни? Но Конни и сама знала лишь номер телефона кафедры в университете! И главное... вчера он ясно дал понять, что видеть Дани не доставляет ему никакого удовольствия!

Нет, это не главное! Главное – она совершенно не готова к приему гостей, каких бы то ни было. На ней старые выцветшие джинсы, старая майка, такая застиранная, что Дани и сама забыла, как раньше назывался ее цвет.

Не дождавшись от нее никакой реакции, гость вопросительно поднял брови.

– Что вам угодно, мистер Ковердейл? – надтреснутым голосом выдавила она из себя.

Какого черта! Это ее дом, и ее свободное время, и она вовсе не собиралась в воскресный вечер принимать незваных гостей. Да еще таких, которые ведут себя, словно делают кому-то одолжение! Впрочем, судя по ее краткому знакомству с этим типом, он действительно считает, что мир создан для него одного!

– Разве ты не собираешься пригласить меня войти? – Насмешливые брови изогнулись. – Или, может быть, это составит какую-то проблему?

– Каким образом, мистер Ковердейл, это может составить для меня проблему, объясните.

– Возможно, тебе неудобно приглашать меня войти, если... если, скажем, внутри уже находится другой гость?

– Я живу одна, мистер Ковердейл, – процедила она, намеренно распахивая дверь пошире.

Он без колебаний шагнул вперед.

– Одинокая молодая женщина вполне могла пригласить в гости одинокого мужчину. В воскресный вечер, – бросил он

через плечо.

Не успел он войти, как стены словно сдвинулись, а потолок опустился – такой маленькой показалась Дани ее уютная квартира. И она вдруг почувствовала себя до странности беззащитной. И ответила резче, чем это было необходимо:

– Прошу вас не судить всех по своим правилам, мистер Ковердейл.

Ни один мускул не дрогнул на его лице, лишь в голосе усилились саркастические нотки.

– Ты, я вижу, лишена воображения. Вот Конни это не смутило бы.

Дани прикусила язык.

– А вы... постоянно живете со своей матерью?

Он пожал плечами.

– Большую часть времени именно там. У меня есть квартира в городе, но я редко ею пользуюсь.

– Как мило, что вы можете это себе позволить, – язвительно заметила Дани.

Большая часть ее жалованья съедала плата за квартиру. Причем квартиру вовсе не такую роскошную, как, несомненно, мог позволить себе Оливер Ковердейл.

– Не понимаю, почему мои жилищные проблемы вызывают у тебя такой нездоровый интерес.

– Ни в малейшей степени, – поспешно ответила Дани. – Не угодно ли пройти в гостиную?

Он язвительно прищурился.

– Я уж потерял надежду, думал, так и продержишь меня в прихожей.

Дани бросила на него взгляд, полный ярости, и шагнула в гостиную. Слава богу, в комнате относительный порядок. Дани прибиралась всегда по воскресеньям, но сегодня не успела добраться до гостиной. Но, кажется, все вещи на своем месте и пыли не видно, вот только вчерашняя газета валяется на полу у дивана.

Комната просторная, нарочито лаконичная обстановка. Никакой лишней мебели, никаких безделушек и украшений, лишь на полу разноцветные плетеные циновки да на кремовых стенах – несколько репродукций Моне. Дани наклонилась и подобрала газету.

– Не хотите ли кофе? Или еще чего-нибудь?

Оливер наклонил голову.

– Кофе, спасибо. Для чего-нибудь еще, как ты выражаешься, еще рано.

Он с сомнением смотрел на изящный тонконогий стул.

– Как ты думаешь, ножки подо мной не сломаются?

– Даже если и сломаются, – едко заметила Дани, – для вас не составит проблемы оплатить мне новую мебель.

Он лишь взглянул на нее насмешливо, и Дани почувствовала, как краска заливает ей щеки. Возьми себя в руки, приказала она себе самой. Он, конечно, не подарок, и вел себя отвратительно, когда она вчера приехала к Конни. Но нельзя же позволять себе опускаться до его уровня!

– Пойду, сварю кофе, – неловко пробормотала она.

Она метнулась в кухню, и только там смогла перевести дух.

Господи помилуй! Что Оливер делает здесь, у нее дома? Зачем он приехал?

К чему эти вопросы, и так все ясно. Конни рассказала ему, что предложила Дани писать книгу. И теперь он явился, чтобы ее отговорить. Даже не отговорить, запретить! Да одного этого достаточно, чтобы Дани обеими руками ухватилась за предложение Конни! Только для того, чтобы сделать ему назло!

Как ребенок, отругала сама себя Дани. Ей уже двадцать девять лет, она успешно защитила диссертацию, коллеги уважают ее как преподавателя с глубокими знаниями и нестандартным подходом к обучению. А вышедшая в прошлом году биография Лео Гарди, если и не пользовалась шумным успехом, то, по крайней мере, получила благожелательные отзывы критики.

Но для Оливера Ковердейла, похоже, все это никакого значения не имело.

– Вот, прошу вас, – с напускным радушием произнесла она, устанавливая на кофейном столике поднос. – Сливки? Сахар?

Дани машинально отметила, что он таки рискнул расположиться на одном из стульев, которые показались ему такими ненадежными. И ничего, пока что стул вел себя вполне

достойно.

– Спасибо, ничего не нужно, – покачал головой Оливер.

Никаких компромиссов. Ни в чем. Даже когда дело касается лишь чашечки кофе.

Она же от души добавила и сливок, и сахару в свой кофе и уселась напротив. Ей повезло: она могла есть и пить все, что угодно, и никогда не прибавляла в весе.

– Итак, мистер Ковердейл, чем могу быть вам полезна? – поинтересовалась она, отпив кофе.

– Прежде всего, мы договорились, кажется, обращаться друг к другу по имени, – напомнил Оливер. – Сделай для Конни такую любезность.

Этого ей совсем не хотелось... Сохранить отношения на уровне формальных – и этим ограничиться, вот о чем она думала.

Прищурившись, он обвел глазами гостиную.

– Красиво тут у тебя, – с искренним удовольствием сказал он. – Кто твой дизайнер?

– Даниэла Гарди, – фыркнула Дани.

Дизайнер! Да он что, с луны свалился? Откуда у нее деньги на дизайнера!

Но, с другой стороны, он сын Конни Ковердейл, а размеры ее гонораров вошли в легенды! Большую часть жизни он провел с матерью в Голливуде, да и загородный дом, в котором ее принимали вчера, больше походит на дворец... Он другой жизни и не знает.

Оливер испытующе вглядывался в ее лицо.

– Прости, я, кажется, сказал что-то не то, – смущенно сказал он. – Я не хотел тебя обидеть.

– Я понимаю, – чуть улыбнулась Дани и поставила чашку на стол. – Я не обиделась. Просто вам это трудно понять. Вы... просто вы не поймете.

Он откинулся на стуле.

– Если ты думаешь, что я всю жизнь катаюсь, словно сыр в масле...

– А разве нет? – с интересом спросила Дани.

– Нет, – отрезал Оливер, но больше ничего не добавил.

Нарочно, подумала про себя Дани. Хочет ее заинтриговать. И, надо сказать, преуспел в этом...

– Мистер Ковердейл...

– Ведь мы, кажется, договорились... – укоризненно напомнил Оливер.

Она глубоко вздохнула.

– Ну хорошо. Оливер. Вряд ли вы приехали, чтобы попить кофе и оценить оформление моей квартиры. Так почему бы вам ни перейти к делу?

Оливер задумчиво смерил ее взглядом. Каким-то непостижимым образом ему удавалось выглядеть совершенно уверенным в себе даже на шатком стуле. Она же нервно комкала в руках салфетку...

– Вы всегда стараетесь запугать своих собеседников? – слабым голосом спросила она.

– Запугать? – Он помедлил, словно пробуя это слово на вкус. – Господи помилуй, я просто посмотрел на тебя, Дани.

Посмотрел! Проблема в том, как он это делает! Словно ювелир, разглядывающий в лупу сомнительный камень.

– Ты очень красивая женщина, Дани.

Вот теперь она разозлилась. Какое отношение имеет к делу то, как она выглядит!

– Прошу вас, мистер Ковердейл...

– Слушаю тебя, Дани, – с нажимом произнес он.

В глазах его мелькали озорные искорки.

– Может быть, вы оставите эти игры и перейдете наконец к делу? – выпалила она.

Эта словесная игра, возможно, производит впечатление на молоденьких тщеславных актрис, но с Дани эти номера не пройдут. Она привыкла к восхищенному поклонению со стороны студентов, к теплому отношению семьи, к уважению коллег. Но никто никогда не позволял себе играть с нею, словно кошка с мышкой! Она никакая не мышка, и он сейчас в этом убедится!

Он все еще испытующе разглядывал ее.

– Скажи, а почему ты нарочно стараешься выглядеть серой мышкой? – неожиданно спросил он.

Да он что, мысли читает?! Дани даже задохнулась от возмущения.

– Вот, например, волосы, – продолжал Оливер как ни в чем не бывало. – Такой чудесный цвет. Как красиво было бы,

если бы ты распустила их по плечам. А ты нарочно закалываешь их в пучок. – Он помедлил. – Кожа у тебя безупречная. А уж глаза... – Он покачал головой. – Чуть-чуть косметики – только подчеркнуть природные достоинства – и ты станешь неотразима.

– Надеюсь, вы закончили, мистер Ковердейл. Я вам не какая-нибудь... – Она осеклась, почувствовав, что ее безупречная кожа залита румянцем негодования. Почему она так легко краснеет! Надо взять себя в руки – Я предпочитаю выглядеть именно так, как выгляжу, Оливер. Я преподаватель университета, историк.

– В точности как твой дедушка, правда? – Он вновь откинулся на спинку стула. – И что ты пытаешься доказать, Дани?

Дани замерла, словно своими словами он пригвоздил ее к месту. Кровь отхлынула от лица, и она надменно вскинула голову.

– Не понимаю, о чем вы, – стараясь говорить уверенно, произнесла она.

Как он догадался! Откуда он мог узнать!

Несколько мгновений он испытующе вглядывался в ее лицо, а потом удовлетворенно улыбнулся. Улыбка, в которой не было ни капли юмора.

– Не злись на меня, Дани, – миролюбиво сказал он. – Моя матушка, как и все ее приятельницы в Голливуде, в свое время переплатила кучу денег психоаналитикам. Она, видишь ли, боялась, что у меня возникнут комплексы из-за... ска-

жем так, моего происхождения. – Он язвительно улыбнулся. – Так что теперь я дам любому психоаналитику сто очков вперед. Нажимать нужные кнопочки, чтобы получить желаемую реакцию, – это не очень трудно, Дани.

Дани покачала головой. Трудно, наверное, пришлось несчастным психоаналитикам! Она не сомневалась, что с этим пациентом им пришлось помучиться! И вопрос еще, кто из них нажимал кнопки!

– Ваша мать зря потратила деньги, – сухо сказала Дани.

Но решила не добавлять, что вместо психоаналитика ему следовало нанять гувернера, который научил бы его хорошим манерам!

Он с шутовским смирением наклонил голову.

– В конечном итоге она тоже пришла к этому выводу. – И вдруг улыбнулся, но вновь без намека на юмор. – А для чего я пришел, ты и сама знаешь прекрасно, Дани.

Она ошеломленно покачала головой. Он совершенно невозможен! Он ответил на ее вопрос, но так, что она растерялась еще больше!

А он, несомненно, именно этого и добивался.

– Ведь знаешь, не правда ли, Дани?

Видимо, он неверно истолковал ее растерянный жест.

Она сделала глубокий вдох, почувствовав, как но спине пробежал холодок. Что с нею происходит? Она боится его? Или... или она так остро воспринимает близость мужчины?

Не валяй дурака, приказала себе Дани. Он, конечно, хо-

рош собой, словно дьявол. Но и только. При этом он надменен, насмешлив, холоден и безжалостен.

– Мы с вами знаем, – размеренно, словно на лекции, начала она, – что ваша мать обратилась ко мне с предложением...

– Минуточку, – Он поднял руку. – Что значит – обратилась к тебе? Ты ничего не перепутала?

– Нет, – твердо сказала Дани. – Я ничего не перепутала. Все было именно так, как я сказала.

Ей стало его немного жаль. По всей видимости, что бы ни происходило вчера за дверями особняка Ковердейлов, Конни так и не рассказала сыну, как было дело.

– Вы, конечно, можете не верить мне, но факт есть факт. Конни сама мне позвонила.

Он резко поднялся на ноги и стремительно пересек гостиную, замерев у окна.

– Господи, что за игру она затеяла, – донеслось до Дани невнятное бормотание. – Чего она хочет добиться! Столько лет прошло!

Дани заключила, что все эти вопросы адресованы не ей, и решила промолчать. В конце концов, ей тоже неизвестны причины, побудившие Конни начать работу над своим жизнеописанием. Действительно, странно. Столько лет хранить молчание и вдруг принять решение обнародовать свои секреты...

Оливер резко повернулся к ней. Ее напугало странное выражение его лица...

– Скажи мне в точности, что именно сказала тебе моя мать?

Дани нахмурилась.

– Что сказала... Сказала, что пора положить конец сплетням...

Оливер помрачнел еще больше.

– И что вместо этого?

– Правду, я думаю, – с неохотой произнесла Дани.

Понятно, что это вовсе не то, чего хотел бы ее собеседник.

Он решительно сжал губы.

– Посмотрим, как у вас это получится, – угрожающе произнес он. Несколькими стремительными шагами он пересек гостиную и уже от двери обернулся к Дани. – Я бы на твоем месте не строил далеко идущих планов насчет этой книги, Дани.

И с треском захлопнул за собой дверь.

Все!

Дани глубоко вздохнула и без сил опустилась в кресло. Ураган пронесся мимо, оставив за собой первобытную тишину. И несется теперь, набирая яростную силу, к дому Конни Ковердейл. Мир этому дому...

3

– Прошу тебя, деточка, прости Оливера, – тепло улыбнулась Конни. – Он вечно надо мной трясется.

Шесть дней спустя они пили кофе в уютной гостиной загородного особняка Конни Ковердейл.

Дани усомнилась. В этой ситуации Оливер явно защищает не мать, а тайну своего рождения. Но, значит, он рассказал матери о своем нашествии на обиталище Дани...

– Видите ли, он без особого понимания относится к вашей идее издать свое жизнеописание. – Дани с особой тщательностью подбирала слова. – И я хочу сказать... Я обдумала ваше предложение и...

– Мне прекрасно известно, что именно ты собиралась сказать мне, Дани. – Конни похлопала ее по руке своей миниатюрной ручкой. – Учитывая обстоятельства, мне не в чем тебя упрекнуть.

Она сморщила носик и помолчала, затем продолжила:

– Однако у меня есть причины завершить то, что я задумала.

Причины... Что бы это ни было, Дани и в мыслях не держала подступиться к новой тайне этого семейства, их и так было вполне достаточно.

– Разумеется, – кивнула Дани. – Однако я взвесила ваше предложение и должна сказать, что я не готова взяться за та-

кую работу. Я уверена, что можно найти квалифицированного...

– Никому другому я не поручу этого дела, Дани. – В глазах Конни вдруг заблестели льдинки, и она стала до странности похожа на своего надменного отпрыска. – Так уж получилось, что я выбрала тебя.

Дани внимательно посмотрела на пожилую женщину. Она слишком мало знала ее, чтобы оценить характер, но до сих пор Конни просто излучала тепло и дружелюбие. И вдруг... оказывается, у нее внутри такой же несгибаемый стержень, как и у сына!

Дани вздохнула.

– Я благодарна вам за высокую оценку моих возможностей...

Конни отмахнулась.

– Я не собиралась говорить вам комплименты, деточка.

– Но будет несправедливо, если я не скажу вам...

Она осеклась. Дверь гостиной распахнулась, словно впустив сквозняк. На пороге стоял Оливер Ковердейл.

Дани поежилась. Судя по угрожающе прищуренным глазам Оливера, им с Конни так и не удалось прийти к взаимопониманию. И вряд ли удастся. До того накаленной сразу стала атмосфера в гостиной.

Неужели Конни не понимает, какие муки причиняет она сыну, вороша прошлое? Дани не верилось. Такая тонкая, эмоциональная, нежная женщина, как Конни, не мгла не

чувствовать чужой боли! Почему же она так настаивает на издании книги?

Одно Дани знала точно – ей совершенно не хочется попасть между молотом и наковальней.

– Мистер Ковердейл, как вы вовремя, – легко начала Дани. – Я как раз говорила вашей матушке...

– Какой милый сюрприз, Оливер, – пропела Конни, бросив на Дани торжествующий взгляд. – А я думала, ты на выходные уехал.

Конни подошла к сыну, поднялась на цыпочки и запечатлела на его щеке поцелуй. Оливер, отметила Дани, не соизволил наклониться к матери.

– Как уютно вы тут устроились, – проговорил он язвительно, бросая насмешливый взгляд на Дани.

– Кофе горячий, – прощебетала Конни, – сейчас позвоню и попрошу для тебя чашку.

Она подошла к камину, где на полке лежал колокольчик.

– Не надо мама, – покачал головой Оливер, – не отрывай Джанет от дел.

– Джанет с радостью напоит тебя кофе, – улыбнулась Конни.

– Не хочу я никакого кофе!

– Милый, почему было не сказать это с самого начала? – укоризненно покачала головой Конни.

Она с достоинством вернулась на место, закинув ногу, обтянутую шелковым чулком, на другую.

Ответ был очевиден для всех: Оливер находился в плохом настроении и желал, чтобы все это заметили, вот и все. Дани чувствовала себя ужасно неловко, став невольной свидетельницей маленького семейного конфликта. Или вовсе не маленького?

Она почувствовала себя еще хуже, когда прозрачные холодные глаза остановились на ее лице.

– Значит, мы опять имеем удовольствие видеть вас, доктор Гарди, – сухо отметил он.

Давая понять, что, если кто и получает удовольствие от визита Дани, то это не он. Но у нее для него тоже есть новости: она также не получает от этого визита ни малейшего удовольствия! Всю неделю она честно обдумывала предложение Конни. Взвешивала все плюсы и минусы. И пришла к выводу: все многочисленные плюсы перевешивает один-единственный минус – неприятие Оливером самой идеи матери. А ведь без него никак не обойтись: он – большая и важная часть жизни Конни, без Оливера книга получилась бы неполной! И как ей работать, если основной объект авторского исследования категорически не желает быть исследованным!

Она смело встретила взгляд Оливера.

– Так уж вышло, мистер Ковердейл. Как я сказала, вы пришли вовремя, я как раз собиралась...

– Ну какой же ты невоспитанный, Оливер, – вновь вмешалась Конни. – Ты совершенно запугал бедняжку Дани, и она

собиралась отказаться от работы.

Оливер помедлил, смерив Дани насмешливым взглядом.

– Вот как? Ну и прекрасно!

И он удовлетворенно опустился в кресло, протянув свои длинные ноги через всю гостиную.

Дани вся подобралась. Вот еще выдумали! Ей совершенно не нравится Оливер, ей отвратительна его самоуверенность, но чтобы она его испугалась?! Ничего подобного.

Дани с улыбкой повернулась к Конни.

– Простите, вы меня неправильно поняли, – сказала она спокойно. – Я сказала не совсем то, что вы подумали.

– Да правильно я все поняла, – огорченно махнула рукой Конни. – И это твоя вина, Оливер.

Она укоризненно взирала на сына, но на того огорчение Конни не произвело никакого впечатления. Он расслабленно полулежал в кресле и чуть улыбался. Словно кот, тайком наевшийся сметаны!

– Вы ошибаетесь, Конни, – твердо произнесла Дани. – Я вовсе не отказывалась писать биографию. Я лишь пыталась привлечь ваше внимание к негативным последствиям, которые она, несомненно, вызовет. Но, с другой стороны, работать над ней для всех нас будет большим удовольствием.

– Какое, к черту, удовольствие! – Оливер одним движением вскочил с кресла и угрожающе навис над Дани. – Это не игрушки, говорю я вам!

Дани это прекрасно было известно. Но, если уж Конни

приняла твердое решение издать свое жизнеописание...

– Скажите, Конни, – обратилась Дани к пожилой актрисе. – Если бы я отказалась писать книгу, как бы вы поступили? Вы обратились бы к другому автору?

Конни несколько мгновений пристально вглядывалась в глаза Дани.

– Да, – твердо сказала она. – Думаю, что да.

Дани кивнула.

– Вот видите. Мистер Ковердейл, так что вы выбираете – меня или другого автора, совершенно вам неизвестного?

– Вы прекрасно знаете, что бы я выбрал, – огрызнулся Оливер.

– Но все же, – настаивала Дани. – Если бы у вас был выбор?

– Вы не оставляете мне никакого выбора, – нетерпеливо прервал Оливер. – Мама, делай, как считаешь нужным. Но я не желаю иметь к этой книге никакого отношения. Я все сказал.

– Совершенно незачем кричать, милый, – укоризненно попеняла ему Конни.

Он одарил обеих женщин яростным взглядом.

– Правда, незачем. Вы ясно дали мне понять: что бы я ни делал, это бесполезно. Я уезжаю. Надеюсь, что вы представляете себе, на что идете.

И он стремительно покинул гостиную, с треском захлопнув за собой дверь.

– Боже милостивый, – устало вздохнула Конни, – на этот раз он действительно вышел из себя. Он никогда не называет меня мамой! Только если мне удается по-настоящему вывести его из себя.

Дани покачала головой. Не может быть, чтобы Конни не догадывалась, какую боль причиняет сыну. Чем обернется для него эта книга.

И Дани уже не может отступить, она во всеуслышание объявила, что берется за книгу.

Как же это получилось? Ведь она приехала сюда с одной-единственной целью – заявить о своем отказе. А сделала она нечто совершенно противоположное!

Дани нервно облизнула губы.

– Конни, простите, я не хотела бы показаться грубой...

Конни запрокинула голову и безудержно расхохоталась.

– Простите... я сказала что-то смешное? – удивленно подняла брови Дани.

Пожилая леди перестала смеяться и покровительственно похлопала Дани по руке.

– Нет, деточка, нет. Я, пожалуй, попрошу принести свежего кофе. А тем временем вы можете задать мне этот вопрос. – Она тонко улыбнулась и пояснила: – Вы же собирались спросить, не нарочно ли я создала эту ситуацию? Не хотела ли я спровоцировать вас принять решение, которое вы не собирались принимать? Я не ошиблась?

И Конни очаровательно улыбнулась, продемонстрировав

кокетливые ямочки на щеках.

Поразительно! Именно этот вопрос и крутился на языке у Дани! Теперь и спрашивать не нужно: именно это и удалось сделать милой пожилой даме, воплощению доброжелательной простоты! Дани с опозданием поняла, что недооценивала Конни.

Она не сомневалась, что тепло и доброжелательность Конни неподдельны. Но выражение простодушной невинности на гладком личике оказалось обманчивым. Конни оказалась способна на такую изощренную интригу, на такую умелую манипуляцию, что ей впору руководить военной разведкой!

Однако это открытие никак не меняет ситуацию. Дани объявила о своем решении, пойти на попятный она уже не может. Это значило бы признать, что угрозы Оливера возымели действие.

Дани искоса взглянула на хозяйку дома. Удобно устроившись в глубоком кресле, она выглядела как довольная кошка. Совсем как ее сын десять минут назад...

– Вот какой сюрприз, моя хорошая, – радостно сказал дед, когда она вошла в теплицу, где он возился с какой-то растительностью, которую готовил для высадки в открытый грунт. – С тех пор, как умерла твоя бабушка, мне ужасно одиноко без женского общества.

Дани улыбнулась и еще раз звонко чмокнула деда в щеку. Она испытывала чувство вины: в последнее время она дей-

ствительно очень редко его навещала.

Он ничуть не изменился. Огромного роста, мощный, волосы, зачесаннные назад, седые, но все еще очень густые. На нем тот же твидовый пиджак, что он надевал на лекции в университете. А теперь, уже десять лет, это его униформа садовника.

Он сосредоточенно потер лоб грязной рукой.

– Не уверен, что найдется, чем тебя угостить...

– Бутерброд с сыром – больше мне ничего не нужно, – улыбнулась Дани.

Подхватила деда под руку, и они отправились к дому.

Там Дани приготовила поднос с чаем и бутербродами, и они вновь вышли в сад, устроившись под старой яблоней.

– Почему ты не запираешь двери? – укоризненно сказала она. – Я приехала – все открыто, входи кто хочешь.

– Ты же не чужая, – весело отмахнулся дед. Он с нежной улыбкой наблюдал, как она разливает чай. – И потом, если кому понадобится проникнуть в дом, он это сделает, заперт он или нет. Сама знаешь.

Она это знала. Но все равно волновалась за деда. Как он тут, совсем один...

В прошлом известный историк, он продолжал работать почти до семидесяти лет. И пользовался огромным уважением в профессиональных кругах. Студенты его любили и уважали.

Оливер Ковердейл спросил, что она пытается доказать,

став историком, как дед. Она не пыталась ничего доказать. Просто она любила и уважала деда, как никого другого в жизни. И знала, что ее выбор сделает его абсолютно счастливым. Это было не главное в выборе профессии, конечно, но все же...

– Так чему я обязан такой честью? – церемонно спросил дед. – Только не говори, что ты просто проезжала мимо.

Не совсем мимо, конечно. Но, добравшись до загородного дома Конни, она уже была на полпути к деду. Проехать еще столько же и попасть сюда – что может быть естественнее? Кроме того, она всю неделю хотела задать ему один вопрос...

– Здесь так хорошо, – улыбнулась Дани. – Отдыхаешь душой.

Дани откинулась на спинку садовой скамейки и полузакрыла глаза. Вокруг щебетали юркие птички, на клумбах уже набирали силу бутоны. Пахло травой, свежестью, весной.

Дед удовлетворенно оглядел сад – предмет его гордости.

– А как тот юноша, о котором ты мне рассказывала? – с интересом спросил он.

Дани чуть улыбнулась. В тридцать два года Джонни вряд ли уместно было называть юношей... Впрочем, кто знает, если она доживет до восьмидесяти лет, может быть, взрослые мужчины будут казаться ей детьми...

– Все в порядке, – улыбнулась Дани. – Он сегодня на каком-то семинаре.

– Понятно, – прищурился дед. – Осталась без компании,

все ясно.

– Дед! – засмеялась Дани. – Может, скажешь, что я к тебе приехала лишь потому, что не нашлось дел поинтереснее?

– Так оно и должно быть, – улыбнулся Лео Гарди. – А чего ездить к старым пингвинам вроде меня, когда есть дела поинтереснее! – Он помолчал и добавил уже всерьез: – Молодые должны быть с молодыми, это закон жизни. Хотя, возможно, твоя мать со мной не согласится.

Они обменялись заговорщицкими улыбками. Дани была единственным ребенком, и мать требовала, чтобы она не реже раза в неделю звонила домой и не реже раза в месяц ездила к родителям с визитом. Какое счастье, что дед никогда не упрекает ее за долгую разлуку.

– Я сегодня была в гостях в одном доме... – осторожно начала Дани. – И так вышло, что я там познакомилась с одним человеком, которого ты знаешь. По крайней мере, так я заключила из его слов.

– Правда? – переспросил дед, поднося к губам чашку.

– Да. Почему ты не рассказывал, что среди твоих знакомых есть, оказывается, голливудская публика?

И Дани озорно подмигнула деду.

Тот нахмурился.

– Память у меня уже не та, – задумчиво произнес он. – Что-то не припомню...

– Оливер Ковердейл, – подсказала она.

Не мог дед забыть Оливера Ковердейла! Тем более, тот

приходил обсуждать экранизацию его собственной книги!

Дед минуту раздумывал, а потом лицо его прояснилось.

– А-а! Вспомнил. Весьма своеобразный молодой человек, должен сказать.

Дани улыбнулась на столь дипломатичную оценку Оливера.

– А как ты с ним познакомилась, деточка моя? – спросил Лео Гарди. – Или круг твоих знакомств включает теперь голливудскую публику?

И он рассмеялся собственной шутке. Дани тоже засмеялась, но ни на секунду не забыла о цели расспросов.

– Нет, конечно. Но почему ты не рассказывал, что к тебе обращались с таким предложением?

Он поморщился.

– Да ты только представь себе, что бы сказала твоя мать!

Дани опустила голову. Она не питала иллюзий относительно натуры матери. Таких снобов поискать! Она была категорически против книги Дани. Публичность, видите ли, повредит ее репутации!

– Конечно, мама была бы недовольна, – со вздохом признала Дани. – Но я... мне-то можно было рассказать!

Дед улыбнулся такой озорной и молодой улыбкой, что стал похож на мальчишку.

– Ты лучше не темни, а скажи мне, что это ты делала сегодня утром в компании Оливера Ковердейла?

Дани пристально посмотрела на него, пытаясь предвидеть

реакцию. Но не смогла ничего прочесть в мудрых глазах.

– Я не была в его компании, – тщательно подбирая слова, начала она. – Он тоже был гостем в том доме, куда я была приглашена.

Странно, но, проехав столько миль для того, чтобы поговорить с дедом об Оливере, Дани вдруг потеряла всякое желание его обсуждать. Его, а также тот факт, что старая интриганка обманом заставила ее принять решение, которое она не хотела принимать.

Лео Гарди сказал:

– Когда мы с ним встречались, он произвел впечатление очень способного молодого человека.

– Только немного своеобразного, – усмехнулась Дани.

Дед пожал плечами.

– А чего еще ждать от голливудской публики? И потом, всю жизнь провести в тени собственной сиятельной матери... Это тяжело для молодого мужчины, я думаю.

Дани опустила голову. Да, пожалуй, жизнь Оливера Ковердейла не была безоблачной. И она собирается еще больше ее осложнить, согласившись писать биографию актрисы Конни Ковердейл.

4

– У меня создалось впечатление, что тебе платят не за это. Ты должна работать, а не мечтать под деревом неизвестно о чем!

Дани даже не нужно было оборачиваться. Кому еще мог принадлежать этот язвительный голос?

Все же она медленно обернулась. И увидала Оливера, который стоял сзади, опираясь на спинку ее скамейки.

– Сказать по правде, мистер Ковердейл, – негромко и размеренно произнесла она, – никаких денег я пока не получаю. К вашему сведению, ваша мать дала мне эти фотоальбомы. Она считает, что они могут пригодиться в работе. Кое-какие фотографии можно использовать в качестве иллюстраций. Просмотром альбомов я и занимаюсь, пока ваша мать прилегла отдохнуть после обеда. А работы здесь, как видите, немало.

Она указала на целую гору старомодных фотоальбомов.

Следует признать, что после приятного обеда в обществе Конни на нее накатила дремота. Здесь, в саду, было так спокойно, так тихо... Пока не появился Оливер Ковердейл.

Она подняла на него глаза и улыбнулась с нарочитым дружелюбием:

– Должна признать, вы были очаровательным ребенком, мистер Ковердейл!

В его прозрачных глазах не промелькнуло ни тени ответного дружелюбия.

– А теперь? – вкрадчиво спросил он.

Он опустился на скамейку рядом с ней.

У нее закружилась голова. Нужно признать, что теперь, если быть честной, он не просто очарователен. Он необыкновенно, безумно привлекателен.

Его волосы блестели в лучах полуденного солнца, в них словно мелькали золотистые нити. Черты лица резкие, значительные, кожа загорелая. В нем столько природной мужской привлекательности, столько невероятной внутренней силы... Если быть честной, он неотразим. Хотя глупо думать так о человеке, который относится к ней с такой неприязнью...

Они не сталкивались те три недели, что она приезжала по выходным в дом Конни Ковердейл. Но, судя по началу разговора, его отношение к ней ничуть не изменилось.

Дани с деланным безразличием пожала плечами.

– Не напрашивайтесь на комплименты, мистер Ковердейл. Вы каждое утро бреетесь. Несомненно, вы видите в зеркале то же, что нижу я.

Он скривил губы, недовольный уклончивым ответом.

– Женщины должны считать всех младенцев прелестными, разве не так?

Судя по угрожающе сдвинутым бровям, это невинное замечание – начало ссоры. Но Дани не даст себя спровоциро-

вать!

– Так оно и есть, – безразлично сказала она. – Конни не говорила, что вы сегодня дома.

– Не говорила, значит, – буркнул он, думая о чем-то своем. После паузы он выпалил: – Слушай, какого черта! Что это значит – тебе не платят? Что ж ты, ездишь сюда каждый выходной просто ради удовольствия?

Дани опять пожала плечами. Сегодня слишком хороший день, чтобы ссориться! Даже с Оливером Ковердейлом.

– Я сама так захотела. И посоветовала вашей матери. Сначала я сделаю работу, а потом обсудим вознаграждение.

Он с подозрением взглянул ей в глаза.

– Это еще почему?

Она подумала, задумчиво поглядывая на него.

– Моя работа... Может так получиться, что выйдет вовсе не то, что ожидает увидеть ваша мать. То, что мне удалось написать интересную книжку про собственного деда, вовсе не значит, что у меня получится интересное жизнеописание известной актрисы.

Оливер некоторое время молчал, словно обдумывая то, что только что услышал. Может, и обдумывал. Дани чувствовала себя такой расслабленной, что ей было безразлично.

– А ты совсем не похожа на своего деда, – вдруг сказал Оливер.

Это прозвучало, как гром среди ясного неба. Поистине с этим человеком ни на секунду нельзя забывать об осторож-

ности!

Она выпрямилась, одернула бледно-зеленую тенниску – идеальный цвет для ее светлой кожи.

– Чему тут удивляться, – с едкой усмешкой произнесла она. – Он – старик восьмидесяти лет, а я – женщина на пятьдесят лет моложе.

Ей уже совсем не хотелось спать. Пора привести себя в боевую готовность. Она не сомневалась, что новая атака последует немедленно.

Оливер недовольно скривил губы.

– Я совсем не то имел в виду. Впрочем, ты прекрасно это знаешь.

Он стремительно поднялся.

– Пойдем-ка. Я покажу тебе наши владения.

Ну и манеры. Пойдем-ка! Высокомерие этого человека просто не укладывается в сознании. Вряд ли она сможет выдержать его общество слишком долго.

– Джанет предложила мне домашнего лимонаду, – уклончиво сказала она.

Он только рукой махнул.

– Успеешь еще выпить. Ну вставай, пойдем. Ни за что не поверю, что ты так увлеклась этим старым хламом.

Она просматривала альбомы систематически: от сегодняшнего дня двигалась назад, в прошлое. И вскоре должна была подойти к самому интересному: к фотографиям тех времен, когда Оливера еще не было на свете.

– Пойдем, пойдем, нагуляешь аппетит перед обедом, – торопил ее Оливер, поскольку она так и не поднялась со скамейки. – Тебя ведь пригласили к обеду? И на весь уикенд?

– Да, – осторожно подтвердила она.

Джанет уже показала ей комнату, в которой ей предстояло ночевать. Роскошь поразила ее. Особенно огромные вазы с живыми цветами по углам комнаты. Оливер кивнул.

– Конни пригласила к обеду кое-какое общество. Предупреждаю: это публика, которая станет называть тебя «милочка», потому что так и не сможет запомнить твое имя.

Что за циник! Теперь Дани была еще меньше готова к тому, что ей придется вращаться в этом новом для нее обществе.

– Пожалуй, действительно не мешало бы прогуляться. – Она решительно поднялась. – А вы сможете рассказать мне побольше о тех людях, что приглашены к обеду.

– С удовольствием, – насмешливо сказал он, устремляясь вперед по гравиевой дорожке, туда, где на краю ухоженного газона начиналась рощица.

Дани зашагала рядом. Ей нетрудно было приноровиться к его широкому шагу: она привыкла много ходить пешком.

– Вчера я разговаривал с Конни по телефону. Да, она знала, что я приеду на выходные, – ответил он на невысказанный Дани вопрос. И усмехнулся, заметив, как на ее щеках проступил румянец. – Когда ты узнаешь мою мать поближе, а это произойдет, судя по тому, как складываются обстоя-

тельства, так вот, ты вскоре поймешь, что за ее действиями часто скрываются одной ей известные мотивы.

С этим Дани уже пришлось столкнуться. Вот и теперь Конни, по всей видимости, нарочно умолчала о том, что Оливер приедет на все выходные. Умолчала, зная, какие непростые отношения сложились между ее сыном и ее биографом!

Дани искоса поглядывала на высокого мужчину, который уверенно шагал рядом. Она тихонько вдыхала запах его лосьона и любовалась уверенными, свободными движениями.

Внезапно он повернулся к ней, и она поспешно отвернулась, застигнутая врасплох. Его глаза выражали вопрос, но она не знала на него ответа. Нет, знала: неожиданно она почувствовала его колоссальную мужскую притягательность, да так, что каждый нерв в ее теле задрожал от его близости.

Она стиснула ладони, чтобы руки не дрожали. Ей захотелось оказаться от этого места далеко-далеко, там, где даже мысли об Оливере казались бы ей нереальными. Но он был рядом, такой реальный, что она боялась взглянуть в его сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.